

Максимов Николай Васильевич

**Две войны 1876-1878 гг.
Война в Сербии. Война в
Болгарии. Воспоминания и
рассказы из событий
последствиях войн**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич М.**
Две войны 1876-1878 гг. Война в Сербии. Война в Болгарии. Воспоминания
и рассказы из событий последствий войн / Максимов Николай Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 611 с.

ISBN 978-5-519-94905-7

ISBN 978-5-519-94905-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я взялся за перо. Дѣйствительно стало легче! Жажда бесѣды съ читателемъ охватила мое существо. Никогда еще я не чувствовалъ такой потребности, рассказывать читателямъ послѣдовательно обо всемъ, рѣшительно обо всемъ, что я видѣлъ, слышалъ, переживалъ, перечувствовалъ и что переживали и перечувствовали окружающіе меня люди. Предлагаю вамъ послѣдовательный рассказъ пережитаго; читайте если интересуетесь, любуйтесь прелестями картинокъ боины, только... дайте мнѣ возможность отдѣлаться отъ нихъ.

Предварительно считаю долгомъ сдѣлать оговорки. Относительно сербско-турецкой войны слѣдующую: Я служилъ въ арміи полковника Хорватовича, куда прибылъ въ концѣ августа мѣсяца 1876 года. Полковникъ Хорватовичъ, какъ извѣстно, командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, составлявшимъ правый флангъ арміи Черняева; слѣдовательно я могу вамъ передавать исторически *подробности* боевой жизни только этого корпуса за время моего пребыванія. Корпусъ Хорватовича находился въ связи съ Джунисомъ, съ арміею Черняева; такимъ образомъ успѣхи и потери этого корпуса находились въ связи съ успѣхами и потерями арміи Черняева. Приѣхавъ въ Россію и перечитавъ предварительныя корреспонденціи изъ Сербіи, я пришелъ къ тому убѣжденію, что причинъ послѣднихъ потерь сербской арміи вы не знаете. Эти причины кроются въ дѣятельности арміи Хорватовича; поэтому, прослѣ-

дивъ за интересною дѣятельностью этой арміи до момента заключенія перемирія, вы пріобрѣтете ясное понятіе отъ общемъ исходѣ сербско-турецкой войны. Такимъ образомъ смѣю думать, что ни мое изолированное пребываніе въ *одномъ* корпусѣ, на *одной* позиціи, ни мой пріѣздъ въ Сербію въ серединѣ войны не могутъ умалить значеніе моего разсказа.

Вторая моя оговорка такова: я буду разсказывать послѣдовательно обо всемъ, что видѣлъ, слышалъ, *самъ лично* переживалъ и что переживали окружающіе меня люди. Ограничиваясь передачею фактовъ, я не буду удаляться отъ истины; а истинные факты сами собою такъ или иначе очертятъ каждое дѣйствующее лицо моего разсказа.

Касаясь русско-турецкой войны—слѣдуетъ замѣтить, что мы побѣдили—несомнѣнно. Но побѣды кружатъ головы и вводятъ общество въ самообольщеніе. Самообольщеніе же, въ большей части случаевъ, ведетъ къ грустнымъ результатамъ. Противъ этого яда существуетъ противоядіе: безпристрастное, критическое отношеніе къ дѣятелямъ войны, фактамъ и явленіямъ и къ самимъ себѣ вообще, т. е. не нейтральнымъ свидѣтелямъ войны. Во время совершенія побѣдъ, народное ликованіе понятно, но оно не всегда удобно—послѣ войны. Вызывайте болѣе критическаго отношенія къ самимъ себѣ и... тогда будетъ, право, лучше.

Мнѣ приходилось выслушивать замѣчанія не-

многихъ литературныхъ критиковъ относительно субъективности нѣкоторыхъ моихъ впечатлѣній. Принимая ихъ съ благодарностію я, однако, и въ этой книжкѣ не отступаю отъ этого, такъ какъ думаю, что и сама субъективность впечатлѣній человѣка, пережившаго извѣстныя чувства, подъ огнемъ непріятеля — можетъ, до нѣкоторой степени, интересовать читателя.

Авторъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОЙНА ВЪ СЕРБІИ.

I.

Первые слухи съ поля битвы.

Были двадцатыя числа августа мѣсяца 1876 г. Погода стояла прекрасная. Какъ теперь помню, день былъ жаркій, солнечный, когда австрійскій пароходъ привезъ насъ, человѣкъ тридцать добровольцевъ, въ Бѣлградъ, изъ Буда-Пешта. На пристани въ Бѣлградѣ встрѣтила насъ толпа народа; народъ съ любопытствомъ осматривалъ каждаго добровольца съ головы до ногъ. Изъ толпы выдѣлился священникъ съ краснымъ крестомъ на лѣвой рукѣ и полицейскій агентъ; они предложили къ нашимъ услугамъ нѣсколько телѣгъ („коль“, какъ ихъ называютъ сербы), заранѣе приготовленныхъ для перевозки нашего багажа.

— Много русскихъ прибыло въ Сербію? поинтересовались мы узнать у священника.

— Съ каждымъ пароходомъ пріѣзжаютъ все больше и больше, отвѣтилъ намъ попъ, хорошо говорившій по-русски:—на-дняхъ ожидаемъ партію въ двѣсти человѣкъ.

Извѣстіе насъ порадовало.

Сербы перенесли на телѣги нашъ багажъ; попъ за нами ухаживалъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ намъ угодить; пріемъ былъ самый радушный.

— Какъ дѣла въ Алексинацѣ? спрашиваемъ у священника.

Священникъ пожалъ плечами.

— Ничего не знаю; въ Бѣлградѣ знаютъ меньше чѣмъ гдѣ либо.

Наша партія раздѣлилась на группы. Группами размѣстились мы по гостинницамъ. Я попалъ въ общество казака гигантскаго роста, съ громадною, окладистою бородою, съ широкою грудью и съ манерами рисующагося человѣка. Онъ говорилъ густымъ басомъ, любилъ хвастнуть. Рѣзкій контрастъ представлялъ собою другой мой компаньонъ по номеру въ гостинницѣ, бывшій адъютантъ московскаго генераль-губернатора. Это былъ женатый офицеръ съ ріссе-пез на носу, съ нѣсколькими измѣненными манерами, съ необыкновенно мягкимъ голосомъ. къ намъ присоединились еще два брата москвича неопредѣленнаго званія, молодые люди замѣчательно крѣпкаго тѣлосложенія и здоровья; одному изъ нихъ завидовалъ даже казакъ, который, покручивая усы, все любовался ростомъ москвичей и прочилъ ихъ обоихъ подъ свою команду. Пятымъ въ нашемъ обществѣ былъ маленькій прапорщикъ армейскаго полка, молчаливый, скромный, симпатичный юноша.

— Вы въ пѣхоту? спросилъ меня казакъ, когда мы заняли номеръ въ гостинницѣ „Сербская Крона“.

— Думаю въ пѣхоту.

— Охота вамъ! Давайте формировать эскадронъ...

— Помилуйте, да я на конѣ никогда не сидѣлъ.

— Выучимъ.

— Формировка эскадрона займетъ много времени.

— А вамъ хочется скорѣе въ строй?

— Хочется.

— Какъ хотите, а мнѣ такъ нельзя... я человѣкъ бывалый; надо подумать... да, надо подумать.

Казакъ задумался.

— Пословица говоритъ: „пять разъ примѣрь,—одинъ отрѣжь“.

Москвичи слѣдили за казакомъ; они очевидно связывали свою судьбу съ нимъ; прапорщикъ присоединился ко мнѣ; адъютантъ былъ въ нервѣшности.

Не прошло и часа, какъ мы отправились въ министерство подавать на службу. Меня нѣсколько поразила оживленность города, когда мы проходили по его улицамъ. Мечтая о Бѣлградѣ, признаться, я никогда не ожидалъ встрѣтить въ немъ большого оживленія; мнѣ казалось, что война за свободу и независимость страны привлекла на поле сраженія все молодое и здоровое население Сербіи, а слѣдовательно и Бѣлграда. Но на дѣлѣ я видѣлъ противное: толпы здорового люда безцѣльно шатались на улицахъ изъ угла въ уголъ или праздно сидѣли передъ кофейнями; то былъ преимущественно интеллигентный классъ городского населенія.

Мы прошли дворецъ Милана, по внѣшности имѣющій много общаго съ губернаторскимъ домомъ какого нибудь далекаго губернскаго города; впрочемъ весь Бѣлградъ въ общемъ имѣетъ видъ губернскаго города, хотя мѣстами и напоминаетъ собою города Востока.

Въ узенькомъ переулкѣ мы нашли военное министерство. Въмѣсто высокихъ палатъ—встрѣтили низенькій, скромный, двухэтажный домикъ, съ крошечными, темными комнатами; въ комнатахъ сидѣли, по одному или по два, чиновники. Одинъ чиновникъ принималъ документы и зачислялъ на службу, другой выдавалъ бумагу на полученіе платья изъ цейхгауза, сабли и револьверы—

изъ склада; кассиръ снабжалъ семью дукатами подъемныхъ денегъ; наконецъ четвертый давалъ „объяву“, иначе подорожную. Не прошло и получаса, какъ мы уже кончили съ министерствомъ; оставалось только принять платёжъ,—и мы готовы хоть въ бой!

Въ Сербіи это просто дѣлалось.

Въ передней мы встрѣтили двухъ русскихъ офицеровъ, только-что вернувшихся изъ арміи. Это была первая встрѣча съ очевидцами бывшихъ прежде сраженій; понятно, что встрѣча насъ заинтересовала.

— Ну, что, какъ дѣла въ арміи? окружили офицеровъ.

— Плохи дѣла! отвѣчали русскіе.

— Вы участвовали въ послѣднемъ пятидневномъ сраженіи при Алексинацѣ?

— Были каждый день въ битвахъ.

— Что же?

— Да ничего... насъ разбили... вообще турки бьютъ, сербы бѣгутъ.

— Алексинацъ взятъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же мы читали извѣстія о побѣдахъ?

— Не знаемъ. Полковникъ Раевскій былъ разбитъ; его войска оставили позицію; его самого убили въ сраженіи.

Офицеры передали подробности послѣднихъ сраженій; сербы характеризовались ими трусами, постоянно отступающими, а турки—храбрыми, наступающими. Офицеры сказали намъ, что русскіе — просто несчастныя жертвы, которыя гибнутъ въ каждомъ сраженіи, не принося никакой пользы для себя и для арміи.

— Очень многіе изъ русскихъ убиты, многіе ранены.

— Значитъ трудно утѣлѣть? интересовались новички.